

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XXIII

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(История, этнография, культура)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Г. Я. Смолин

ИНОЗЕМНЫЕ РЕЛИГИИ В ГУАНЧЖОУ IX в.

В Китае VII—VIII вв. в процессе развития торговых, политических и культурных контактов со странами «Западного края» появились и начали распространяться зороастризм, несторианство, ислам и манихейство — «варварские религии» (*ицзю*), как их называли источники того времени. Они проникали в пределы империи Тан (618—907) по Великому шелковому пути, а также южными морскими путями.

Как представляется, раньше других «варварских религий» в «Срединном государстве» появился зороастризм. В 621 г. был воздвигнут первый храм переселенцев из «Западного края», исповедовавших учение Авесты, а к концу VII в. имелось уже несколько зороастрийских святилищ на севере Китая [26, с. 28, 36—38]¹. Несторианство делало первые шаги в Китае с начала второй трети этого же столетия. Осенью 638 г. христианский проповедник сириец Аробень (Алопьянь), тремя годами ранее прибывший с большой группой единоверцев в главную танскую столицу Чанъань, по разрешению императора Ли Шиминя (Тай-цзуна) образовал близ Чанъани несторианскую общину, в которую входили соотечественники ее основателя. Выдержав на исходе последнего десятилетия VII в. ожесточенные атаки буддистов, а с 712 г. — даосов, это вероучение довольно быстро начало распространяться и на протяжении целого столетия переживало наивысший за все время существования танской империи расцвет. В ознаменование успешного распространения своей веры адепты несторианства в 781 г. воздвигли в Чанъани мемориальную стелу с текстом на китайском и сирийском языках [11, с. 1—2, 10—14, 38; 6; 19; 48]. Примерно в одно время с несторианством, т. е. очень скоро после своего возникновения, в Китай стал проникать ислам, а в VIII в. небольшие общины мусульман-иноземцев существовали уже в нескольких танских городах [16, с. 333; 20, с. 35—45; 31, с. 13—14; 43]. В самом конце VII в. на территорию «Срединного государства» было «зачтено» манихейство, и, хотя уже в начале второй четверти следующего столетия оно было объявлено вне закона и на протяжении почти 40 лет подвергалось жестоким гонениям, с 60-х го-

дов VIII в. в отдельных частях танской империи учение Мани получило некоторое распространение среди выходцев из «Западного края» [7; 14, с. 85—93; 25, с. 203—218; 32].

К числу «варварских религий» в Китае VII—IX вв. традиция относит также иудаизм. Однако вопрос о времени первоначального появления этой веры в «Срединном государстве» и ее существовании при династии Тан остается до сих пор нерешенным². Можно все же полагать, что по крайней мере к IX в. там имелись приверженцы и этого исповедания [36, т. 2, с. 500, 510, 555, т. 3, с. 358—359, 420—421; 37, с. 210; 39, с. 353; 45; 49, с. 10; 50, с. 10—15]. Правда, их, по всей вероятности, было очень мало, да и эти немногочисленные адепты культа Яхве с самого начала оказались рассеянными по различным районам страны. Не случайно, что во всей обширной танской империи не существовало ни одного молитвенного дома иудеев³, тогда как культовые здания всех остальных «варварских религий» уже функционировали в отдельных танских городах. Точно так же не случайно за иудаизмом к IX в. еще не закрепилось в Китае никакого определенного наименования, между тем как более или менее устойчивые названия имели к началу этого столетия и зороастризм — *сянь*, или *хосянь* (огнепоклонство)⁴, и несторианство — *цзинцзяо* (учение о свете), или *дацинцзяо* (сирийское учение — по наименованию страны, откуда эта вера была занесена в Китай), и манихейство — *мони*, или *момони* (по имени основателя учения), и ислам — *цинчжэнь* (чистота и праведность), или *муху* (по имени пророка Мухаммеда).

В VII—VIII вв. очагами «варварских религий» являлись такие города во внутренних районах страны и на ее окраинах, как Западная столица — Чанъань, Восточная столица — Лоян, Северная — Тайюань, Янчжоу, Цюаньчжоу, Фучжоу, Шаочжоу, Ханчжоу, Гуйлинь, Чэнду и некоторые другие. Но чем ближе к IX в., тем заметнее на положение основного средоточия носителей иноземных верований выдвигался Гуанчжоу, а с середины этого столетия он полностью утвердился в таком качестве. То был важнейший портовый центр торговых, культурных и иных внешних связей танской державы не только со странами Юго-Восточной и Южной Азии, но и с различными частями арабского халифата, привлекавший с далекого Ближнего Востока многочисленных купцов и мореходов — адептов разных религиозных исповеданий, которые имели распространение в халифате. Значение Гуанчжоу в торговых и культурных сношениях с заморскими государствами ощутимо поднялось с утратой Китаем к середине VIII в. контроля над Великим шелковым путем [8; 13]. Город находился в большом удалении от столиц империи, на южной ее окраине, которая все еще оставалась тогда сравнительно малозаселенной, экономически слабо освоенной и отсталой по уровню культурного развития [22, с. 1—54]; здесь, особенно после серии крупных военно-феодаль-

ных мятежей второй половины VIII в., потрясших политические устои танской династии, заметно меньше, чем во внутренних районах страны, ощущался административный и идеологический контроль центральной государственной власти [22, с. 31—40]⁵ и не столь резко сказывались многократные крутые переходы в политике императорского двора по отношению к чужеземным религиям и их приверженцам — от покровительства и поощрения к нетерпимости и погромам. Словом, в Гуанчжоу IX в. сложились весьма благоприятные условия для того, чтобы выходцы из Аббасидского халифата — представители различных «варварских религий» могли, как говорится в одном из источников, «приезжать и обосновываться на жительство» (цит. по [16, с. 68—69]). Постепенно в этом городе образовалась довольно обширная колония персов, арабов, сирийцев, евреев и других переселенцев из «Западного края», занимавшихся здесь главным образом торговлей, ростовщицеством и различными ремеслами, что подтверждается данными сочинений китайских средневековых авторов⁶. Наглядным свидетельством того, насколько значительной была эта колония, может служить такой эпизод, относящийся еще к середине VIII в.: по данным обеих «образцовых историй» династии Тан, в конце 758 г. произошло крупное вооруженное столкновение находившихся в Гуанчжоу и его окрестностях персидских и арабских купцов, моряков и солдат с властями и гарнизоном города. Инцидент закончился поражением китайского воинства и бегством главы местной гражданской и военной администрации; иноземцы же предали город разграблению и огню [15, с. 15469; 23, с. 13968, 15384].

На существование в Гуанчжоу к середине IX в. большой колонии выходцев из Аббасидского халифата весьма определенно указывают и историко-географические труды Абу Зайда ас-Сирафи, ал-Масуди, Ибн ал-Асира и Абу-л-Фиды. Во всех этих арабоязычных источниках X и ближайших за ним столетий среди проживавших в Гуанчжоу второй половины IX в. уроженцев «области ислама» выделены четыре группы по признаку вероисповедания: мусульмане, иудеи, христиане и зороастрийцы [29, с. 115—117, 121; 42, с. 303; 46, с. 64; 47, с. 51—52], причем перечисляются они в почти такой же очередности⁷, учитывающей скорее всего количественный состав каждой группы.

Колония приверженцев «варварских религий» в Гуанчжоу IX в. постепенно разрасталась. Она пополнялась новоприбывшими из «Западного края», а также переселенцами из других городов танской империи, преимущественно иностранцами, но отчасти и обращенными в ту или иную чужеземную веру китайцами. Ее численность увеличивалась и в результате естественного прироста. Приезжавшие в Гуанчжоу и обосновывавшиеся здесь персы, арабы, сирийцы, евреи и другие выходцы из «Западного края», занявшись торговлей, ростовщицеством, различ-

ными ремеслами, врачебным или фармацевтическим делом, обзаводились семьями, беря в жены девушек из местного кита́йского либо тайского населения⁸. Танской администрацией такие браки, как правило, не возбранялись [8, с. 95, 97—98; 20, с. 97], и лишь однажды, в самом начале второй трети IX в., была предпринята попытка официально запретить их [15, с. 16748]. Семейно-правовые нормы «варварских религий» практически тоже не препятствовали женитьбе их последователей на жительницах «Срединного государства», так как считалось, что влияние мужа будет способствовать вовлечению еще одной новообращенной в ряды адептов данного вероисповедания и тем самым — расширению контингента единоверцев. Поскольку ислам, зороастризм и иудаизм допускали полигамию, приверженцы этих религий в Гуанчжоу — люди, как правило, весьма состоятельные — имели зачастую по несколько жен, тем более что это не противоречило семейно-брачным традициям феодальной китайской и тайской среды [3, с. 142; 47, с. 43]. Обычно семьи были многодетными. Как глава дома, ответственный за воспитание собственных детей, и прежде всего воспитание духовное, отец на совершенно законных основаниях с помощью проповедников своей религии, будь то ислам, несторианство, манихейство или иудаизм, обращал потомство в свою веру.

Данные имеющихся к настоящему времени источников не позволяют хотя бы приблизительно определить конкретную численность каждой из упомянутых арабскими авторами религиозных групп, равно как и общее количество адептов всех «варварских религий» в Гуанчжоу IX в. В связи с событиями крестьянской войны под предводительством Ван Сяньчжи и Хуан Чао, непосредственно затронувшей в 879 г. и Гуанчжоу (см. [5]), Абу Зайд, ссылаясь в «Сказаниях о Китае и об Индии» на показания очевидца, арабского путешественника Ибн Вахба, и других информаторов, назвал число «проживавших в этом городе и занимавшихся там торговлей мусульман, иудеев, христиан и магов»⁹ — 120 тыс. человек [29, с. 117; 46, с. 64; 47, с. 51—52]. Но цифра эта, безусловно, сильно завышена, хотя Абу Зайд для ее обоснования привел, с ссылкой на «людей, хорошо осведомленных в делах китайцев», казалось бы, довольно убедительный аргумент: «Общее количество насчитывавшихся в этих четырех сектах известно единственно вследствие того, что китайское правительство взимало с них налог по их числу» [29, с. 117; 46, с. 64; 47, с. 51]. Сомнение в правдоподобности известия Абу Зайда только возрастает, когда у ал-Масуди встречаешься с иной, много большей цифрой («200 тыс. мусульман, христиан, иудеев и магов»), в подтверждение которой ал-Масуди привел точно такой же довод, что и Абу Зайд: тоже сослался на сведения китайских официальных кадастров [29, с. 121; 42, с. 303—304].

Данные, приведенные у Абу Зайда, а тем более у ал-Масуди

ди, ставят под вопрос многие современные исследователи — и китайские, и японские, и западные (см., например, [4, с. 169—173, 179; 16, с. 364; 22, с. 70; 28, с. 234]). Но немало и исключений, особенно в западной литературе. Некоторые авторы, например, чтобы очернить предводителей и рядовых участников крестьянской войны 874—901 гг., представить их завзятыми погромщиками и душегубами, всячески пытаются «подкрепить» такого рода суждения, воспользовавшись, в частности, ссылкой на книги Абу Зайда и ал-Масуди, где указанные цифры — соответственно 120 и 200 тыс. — приведены в контексте рассказа о том, как повстанцы Хуан Чао якобы вырезали поголовно всех находившихся в Гуанчжоу людей из «области ислама», независимо от их вероисповедания (см. подробнее [4, с. 169—173]).

Если учесть, что согласно сведениям, имеющимся в «Новой истории [династии] Тан», общая численность занесенного в официальные реестры населения гуанчжоуской области, включая 13 ее уездов, в VIII в. достигала примерно 221,5 тыс. человек [15, с. 15706]¹⁰, то станет очевидной недостоверность цифр, фигурирующих у Абу Зайда, а тем более у ал-Масуди.

Крупный современный китайский специалист по истории танской империи Янь Гэнван также счел эти цифры явно преувеличенными. Сам он склонен свести их к 50—60 тыс. [28, с. 234]. Правда, остается неясным, на чем автор при этом основывается, поскольку никакой конкретной аргументации по сему поводу Янь Гэнван не приводит. И все же его гипотеза представляется более правдоподобной. Конечно, числовые выкладки Янь Гэнвана тоже могут показаться завышенными. Но тут, видимо, следует принимать во внимание два обстоятельства, учитывающие своеобразие реального статуса Гуанчжоу. Во-первых, может быть, именно в этом городе — административном центре одноименной области, а также всей южнокитайской провинции Линнань — оказалась сосредоточенной едва ли не наибольшая часть официально зарегистрированных жителей одной из самых захолустных и малолюдных окраин танской империи [22, с. 17—23]. Во-вторых, большинство населения этого космополитического города, игравшего роль своего рода «ворот страны», самого крупного и важнейшего центра внешних связей «Срединного государства» того времени, могло действительно слагаться именно из уроженцев «Западного края» и стран Южных морей [13, № 5, с. 67—68].

Жизнедеятельность ячеек различных «варварских религий» в Гуанчжоу IX в., превратности судеб каждой из них запечатлены в источниках крайне неравномерно. Почти ничего не известно о манихействе и иудаизме, а о зороастризме сохранились лишь отрывочные и не всегда ясные упоминания [26, с. 32—33]; лучше документированы, а потому легче прослеживаются признаки существования и деятельности несторианской и особенно мусульманской общин. В каждом из этих слу-

чаев сказались разные причины и обстоятельства. Манихеям, например, приходилось, за исключением коротких отрезков времени, пребывать на нелегальном положении, соблюдать строжайшую конспирацию и принимать всевозможные меры, дабы обезопасить себя: сознательно сближаться с буддистами и даосами, прикрывать свою деятельность буддийским и даосским одеяниями и т. д. Современники неоднократно признавали, что вследствие этого поклонников учения Мани очень часто оказывалось крайне нелегко, а иногда даже совсем невозможно различать и выявлять; их нередко принимали за представителей той или иной секты буддизма либо даосизма [2, с. 51; 4, с. 394—396; 25, с. 215—217].

Впрочем, в буддийские и даосские покровы облакались во многих случаях не только манихеи, но и приверженцы других «варварских религий», будь то, например, мусульмане [20, с. 59] или несториане [11, с. 2, 17]. Им приходилось поступать так главным образом потому, что иначе нелегко было бы преодолеть препятствия, связанные с неприязнью китайцев к иноземным верованиям, с укоренившимися и нагнетавшимися в «Срединном государстве» представлениями, будто его жителям нечему учиться и нечего воспринимать у «варваров».

Трудности в распознавании какого бы то ни было чужеземного исповедания и его последователей обуславливались еще и тем, что в каждом из этих синкретических по своей природе вероучений присутствовали во многом схожие или даже повторяющиеся черты догматики и обрядности. Например, за мусульман часто принимали адептов какой-либо другой «варварской религии», поскольку, как известно, в исламе содержались, пусть в несколько переработанном виде, отдельные существенные компоненты, заимствованные из зороастризма, иудаизма, христианства и манихейства [20, с. 60—63]. Путаницу вносили и некоторые элементы религиозно-бытовой практики мусульман и иудеев (обряд обрезания, запрещение употреблять в пищу свинину — самое любимое китайцами мясо — и т. д.). Точно так же зороастрийцев могли принимать за несториан, манихеев или иудеев [26, с. 42—43; 50, с. 2—23], коль скоро многие иудейские, христианские и манихейские религиозные представления формировались под прямым влиянием учения Заратустры. Положение усугублялось и тем, что в трудные для себя моменты, наступавшие вследствие главным образом политических причин и обстоятельств (например, из-за разрыва, происшедшего между Китаем и Уйгурией в середине IX в.), манихеи и несториане в Китае оказывались вынужденными выдавать себя за мусульман или даже принимать ислам [11, с. 3]. Наконец, для многих в «Срединном государстве» приверженцы «варварских религий» выглядели как бы на одно лицо и просто оттого еще, что эти вероучения исходили, в представлении современников, из одного территориального источника [26, с. 39].

Отсутствие у китайских хронистов внимания к зороастризму и, как следствие этого, крайнюю скудость сведений о нем можно помимо всего прочего объяснить и тем, что поклонники учения Заратуштры вообще не вели в танской империи сколько-нибудь широкой и активной религиозной пропаганды; оно в отличие, например, от ислама, несторианства и манихейства имело распространение только среди иноземцев [26, с. 40—41], и, надо думать, не случайно в источниках того времени нет даже упоминаний о переводах на китайский язык Авесты или хотя бы отдельных частей этой священной книги зороастрийцев, между тем как китайские переводы христианской и манихейской канонической литературы имели уже тогда некоторое хождение в «Срединном государстве»¹¹.

Заметную роль в судьбах «варварских религий» в Китае, и в частности в Гуанчжоу, сыграли религиозные преследования в первой половине 40-х годов IX в.

В 842 г. император Ли Чань (У-цзун), побуждаемый к тому своими духовными наставниками — даосами Чжао Гуйчжэнем и Ли Дэюем, издал специальный эдикт, который послужил официальным сигналом к началу широкой кампании против буддийской церкви. Репрессии непосредственно затронули и чужеземцев, которые исповедовали буддизм или же маскировались под буддистов [16, с. 360; 21, с. 8016; 34, с. 311—312]. Но пострадало тогда не только буддийское духовенство. Вскоре, в 843—844 гг., особыми декретами Ли Чаня было объявлено вне закона и манихейство [7, с. 1173—1174, 1189; 17, с. 41; 18, с. 864; 32, с. 479; 34, с. 327]. То была, однако, лишь прелюдия к религиозным гонениям, охватившим в конце 844—845 гг. всю «Поднебесную». Хотя официально кампания разворачивалась как антибуддийская, по указу сверху начались преследования не только одного буддизма. Наступили черные дни и для «варварских религий» — в наибольшей степени для их ячеек в столичных и других городах на севере танской империи. Предписывалось закрывать и сносить святилища мусульман, манихеев, зороастрийцев и несториан, уничтожать их литературу, культовую живопись, скульптурную иконографию и ритуальную утварь, пресекать пропаганду этих вероучений [9, с. 166; 15, с. 15771; 17, с. 62—63, 591—592; 18, с. 864; 21, с. 8015—8019; 23, с. 14089; 48, с. 471—476]. Согласно данным хроники «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» (правда, цифры, по всей вероятности, основательно завышены), в различных районах «Поднебесной» было разрушено более 40 тыс. храмов и других культовых зданий «варварских религий» [21, с. 8017]. Многие носители этих вероисповеданий, будь то иностранцы или обращенные из китайцев, были принудительно выведены из духовного сословия либо даже физически уничтожены. По сведениям различных источников, в общей сложности насильственно возвращено к мирской жизни или погибло тогда

от 2 до 3 тыс. иноверцев [9, с. 166; 15, с. 15771; 18, с. 841; 21, с. 8017; 23, с. 14089; 48, с. 474—475], не считая большого числа чужеземцев-буддистов¹². Особенно большие жертвы понесло манихейство. Очевидец погромов, японский буддист-пилигрим Эннин писал в дневнике, что подлежали истреблению все поклонники учения Мани, в том числе и рядившиеся в тогу буддизма [7, с. 1173; 34, с. 327]. По сообщению сунского ученого-буддиста Цзань Нина, погибло их тогда больше половины; остальные были отправлены в ссылку [7, с. 1174]. Местами ссылки были определены преимущественно окраинные районы страны, в том числе провинция Линнань (административный центр — Гуанчжоу). Манихейские общины теперь уже навсегда перешли на нелегальное положение, но, и находясь в ссылке, манихеи продолжали заниматься веропроповедничеством и обретать среди жителей «Срединного государства» новых прозелитов [7, с. 1189].

Хотя приверженцы «варварских религий» в период правительственных репрессий потерпели большой урон, они все же выжили¹³, а когда в 846 г. гонения ослабли и со временем совсем прекратились, вновь воспряли, умножили свои ряды, и признаки их жизнедеятельности стали обнаруживаться в разных городах империи, преимущественно южных, включая Гуанчжоу. Впрочем, в пору погромов ячейки иноземных религий, существовавшие в Гуанчжоу, пострадали, пожалуй, в наименьшей степени. Вероятно, сказалась слишком большая заинтересованность танской администрации в сохранении крайне выгодных для себя торговых сношений с внешним миром, главным центром которых являлся этот портовый город. А может быть, у верховных властей, занятых нелегкой борьбой с могущественными религиозными противниками во внутренних районах страны, просто не дошли руки до далекого Гуанчжоу, где буддизм — главный объект правительственных преследований — не располагал сколько-нибудь значительными позициями, хотя в этом городе жило немало буддийских веропроповедников из Индии, страны сингалов, и других государств Южной и Юго-Восточной Азии [22, с. 59—61]. Как бы то ни было, в Гуанчжоу адепты «варварских религий», за исключением, вероятно, манихеев, отделились тогда всего лишь легким испугом. В источниках и литературе имеются на сей счет конкретные сведения. Сообщается, например, о семье некоего мусульманина Ли Яньшэна, выходца из халифата, которая вполне благополучно пережила в Гуанчжоу тяжелую пору первой половины 40-х годов IX в. [10, с. 1, 3, 77—78; 20, с. 97—98]. Сам Ли Яньшэн в 848 г. сдал в Чанъани конкурсные государственные экзамены на высшую «ученую степень» цзиньши [8, с. 100]. Это, кстати сказать, далеко не единственный случай, когда адепты иноземных религий, будь то чужестранцы или обращенные китайцы, пользовались предоставленной им возможностью получать различные

«ученые степени», а с ними — право занимать соответствующие чиновничьи должности в государственном аппарате танской империи [8, с. 100—101].

Не просто уцелевшие, но, более того, относительно мало пострадавшие от репрессий объединения приверженцев «варварских религий» в Гуанчжоу становились теперь центрами притяжения для их единоверцев. Сюда, на крайнюю южную оконечность территории танской империи, стали смещаться основные очаги распространения этих вероисповеданий.

Во время преследований 842—845 гг. адептам «варварских религий» повелевалось перебираться из столичных и других северных городов в Гуанчжоу, а оттуда при первой возможности попутными рейсами морских судов возвращаться в родные края [11, с. 2, 19]. Однако по разным причинам и обстоятельствам отнюдь не все выполнили данное предписание. Часть изгнанников предпочла обосноваться в Гуанчжоу, а не репатриироваться. Так репрессии первой половины 40-х годов IX в. обернулись расширением контингента носителей иноземных исповеданий в этом городе. Местные общины последователей «варварских религий» активизировали свою деятельность, вовлекая в лоно этих вероучений и китайцев.

Среди ревностных веропроповедников несторианства в Гуанчжоу выделялась семья китайцев Лю, сумевшая в 845 г. избежать расправы в Чанъани и перебравшаяся затем в Гуанчжоу. По отрывочным сведениям китайских источников Ло Сянлиню удалось воссоздать небезытересную картину длительной и активной деятельности представителей этой семьи — Лю Туя и его сына Лю Цзуаня — по пропаганде «учения о свете» среди соотечественников в Гуанчжоу во второй половине IX в. [11, с. 78—84].

Тот же Ло Сянлинь, опираясь на различные источники X—XI вв., детально проследил на протяжении нескольких столетий судьбу несторианской семьи выходцев из Ирана, еще в VIII в. принявшей китайскую фамилию Ли [11, с. 97—128]. Приехав по торговым делам в Гуанчжоу, они надолго обосновались в этом городе. Не случайно у одного из представителей дома Ли, некоего Ли Сюня, автора многочисленных литературно-художественных произведений, написанных на китайском языке, так часто встречаются в стихах и прозе упоминания и заметки о Гуанчжоу и Гуандуне. Подобно другим осевшим в Китае персам-несторианам, многие поколения рода Ли занимались в Гуанчжоу изготовлением по рецептам своей родины лекарственных снадобий и их сбытом, а Ли Сюнь составил справочную книгу «Хай яо бэнь цао» («Заморские целебные деревья и травы»), на которую позднее, уже в XVI в., ссылался и которую использовал в своем фармацевтическом трактате «Бэнь цао ган му» («Общий обзор деревьев и трав») знаменитый Ли Шичжэнь. Вместе с тем семья Ли постоянно вела активную пропаганду

несторианского учения. Сохранились сведения об этой их деятельности и в Гуанчжоу, и в Чанъани, куда со временем переселилась часть разбогатевшего дома Ли, но откуда в самом конце 880 г. им пришлось, спасаясь от повстанцев Хуан Чао, бежать в Сычуань.

И до репрессий 842—845 гг., и после них наиболее интенсивной жизнью жила в Гуанчжоу мусульманская община, самая многочисленная из местных ячеек «варварских религий».

Мусульмане в Гуанчжоу относительно компактными группами селились в установленных для них китайской администрацией частях города или предместий. Свои поселения они застраивали жилыми домами, хозяйственными и другими зданиями, выдержанными в собственных архитектурных традициях, так что эти поселения внешним обликом резко отличались отстрое- ний (преимущественно деревянных), воздвигавшихся все еще многочисленными тогда местными аборигенами тайской этнической принадлежности и китайцами. Постепенно близ Гуанчжоу строилось особое мусульманское кладбище.

В западном предместье города находилась и активно функционировала соборная мечеть Хуайшэнсы (Храм памяти пророка) — первое в «Срединном государстве» мусульманское культовое здание, построенное, как ныне доказано, около 751 г. Среди китайских мусульман распространено предание, будто воздвиг мечеть не кто иной, как Саад ибн Аби Ваккас, дядя Мухаммеда с материнской стороны, боевой сподвижник основателя ислама, якобы приезжавший в Китай еще при жизни пророка и по его поручению. То же предание гласит, будто именно прах Саада ибн Аби Ваккаса покоится в могиле неподалеку от городской стены, за ее северными воротами, между тем как к настоящему времени установлено, что данное захоронение может датироваться лишь концом IX в. [8, с. 189—190, 193—198; 10, с. 2, 3; 12, с. 131, 137; 31, с. 77—80, 115—118]. Но подобные предания способствовали превращению гуанчжоуской пятничной мечети в один из главных центров тяготения для исповедовавших ислам в Китае.

Согласно «Сказаниям о Китае и об Индии», побывавший в 851 г. в Гуанчжоу арабский купец-путешественник Сулейман рассказывал Абу Зайду об имаме местной мечети, который, будучи сам торговцем, возглавлял на выборных началах гуанчжоускую мусульманскую общину [46, с. 13, 64; 47, с. 9—10]. И в дни обоих великих праздников ислама — разговения и жертвоприношений, и еженедельно по пятницам, и в будни, как предстоятель на религиозных собраниях, имам руководил уставной молитвой. Во время пятничных богослужений он читал с кафедры проповедь и хутбу-молитву за правящего халифа и всех правоверных.

Судя по тому, что Абу Зайду поведал Сулейман, духовный глава мусульманской общины в Гуанчжоу помимо обязанностей

имама выполнял и другие функции. Фактически он являлся неофициальным консулом, призванным представлять и защищать перед местными властями административные и экономические интересы «людей ислама». Осуществлять эту миссию его, правда, никто в халифате не назначал и не уполномочивал, но как данную, так и все остальные функции он выполнял, если верить Сулейману, с позволения местной китайской администрации, в свою очередь имевшей на то разрешение императорского двора. На имаме лежали также обязанности кади — судьи среди единоверцев для разбора и разрешения различных внутренних споров и тяжб¹⁴. В его компетенцию практически входили дела как уже осевших в Гуанчжоу мусульман, так и наезжавших в этот город-порт с торговыми и иными целями. Как утверждал Сулейман, ссылаясь на мнение, высказанное в беседах с ним купцами из Ирака, имам-кади был весьма искушен в законоведении и пользовался репутацией справедливого, беспристрастного и неподкупного мужа, действовавшего в полном соответствии с шариатом [46, с. 13, 64; 47, с. 9—10, 148—149]. В определенные дни он отправлял в мечети правосудие, предварительно совершив каждый раз ритуальное омовение и молитву.

Как видно, внутренняя жизнь магометанской ячейки в Гуанчжоу IX в. строилась во многих отношениях соответственно религиозно-правовым установлениям ислама. Ухватившись за такой факт, отдельные буржуазные синологи считают возможным утверждать, будто община гуанчжоуских мусульман располагала некоторыми правами экстерриториальности (см., например, [31, с. 47]), усматривая в этом своего рода прецедент для колониально-экспансионистских притязаний Великобритании и других западных держав в Китае середины XIX в. На самом же деле практика функционирования этой общины никоим образом не может служить доказательством существования еще при танской династии некоей традиции экстерриториальности иностранцев. Выше уже отмечалось вскользь, что юрисдикция мусульманского населения Гуанчжоу IX в. во всех вопросах, выходивших за пределы внутренних дел общины, неоспоримо основывалась на китайских правовых институтах и нормах. Что касается режима торговли между купечеством из халифата и «Срединным государством», то власти танской империи стремились — и небезуспешно — определять его в полной мере к выгоде для себя (см. [8; 13]).

Еще ал-Масуди, характеризуя статус своих соотечественников в Гуанчжоу IX в., не без оснований отождествлял его с положением зиммиев в мусульманском государстве [29, с. 121, 127—128; 42, с. 304]. Речь идет об особой категории «неверных», выделявшейся мусульманским каноническим правом, а именно об иноверцах, которые обладали личной свободой, но были бесправны политически и ограничивались в некоторых гражданских

правах, включая имущественные (например, в праве собственности на землю). По отношению к зиммийм допускалась веротерпимость, но только при условии, если они признают себя подданными мусульманского государства, обязанными всецело подчиняться ему и исправно выплачивать ему установленные для иноверцев подати; в противном случае их следовало укрощать вооруженными средствами. Общины зиммиев пользовались в халифате известным самоуправлением на основе их собственных религиозных законов. Управлялись они своими духовными старшинами, которым предоставлялись определенные административно-судебные права (включая право суда над единоверцами) и которые представляли интересы своих общин и своей церкви перед мусульманскими властями. Во всех случаях, когда судились друг с другом магометанин и зиммий, разбирательство велось мусульманским кади и по мусульманскому законодательству. Статус зиммиев предусматривал ряд дискриминационно-унизительных условий (например, запрещение носить оружие и т. д.).

Реальный режим, в котором протекала жизнедеятельность мусульманской общины, равно как и других иноверческих общин в Гуанчжоу IX в., строился танскими властями полностью в соответствии с теоретической и практической доктриной, какую средневековое китайское государство с древних времен применяло в отношениях с «варварами», и, надо сказать, формула ал-Масуди, отождествлявшего гуанчжоуских мусульман с зиммийми в арабском халифате, как нельзя лучше отражала этот режим во всех наиболее существенных аспектах.

¹ По мнению современного китайского историка Чэнь Юаня, впервые о зороастризме в «Срединном государстве» узнали еще на исходе второго десятилетия VI в. [26, с. 28—30, 39].

² Высказывается, например, предположение, будто последователи иудаизма имелись в Китае еще за несколько столетий до н. э. По мнению других исследователей, первую свою религиозную общину евреи — беженцы из Палестины создали в империи Хань около 70 г. н. э. В отдельных работах появление иудаизма в пределах Китая датируется примерно серединой III в. Некоторые же синологи считают, что эта религия начала распространяться в «Срединном государстве» не ранее XII в. (см. [27, с. 1—4, 8, 17; 39—41; 49, с. 24, 52, 66, 136—140; 50, с. 21]).

³ Первая синагога была основана в 1163 г. в Кайфыне.

⁴ Слово *хо* (огонь) включено в китайское наименование зороастризма, поскольку в этой религии первостепенное значение имели культ и храмы священного огня, а ее приверженцев называли еще огнепоклонниками; слово *сянь*, входящее со второго десятилетия VII в. в китайское обозначение учения Заратуштры, произошло путем слияния двух редуцированных иероглифов: *тянь* (небо) и *шэнь* (дух).

⁵ На это обстоятельство указывал В. П. Васильев [1, с. 11].

⁶ Многие такого рода свидетельства приведены и в работах японских синологов Кувабара Сицудзо [8] и Накамура Кусиро [13].

⁷ Ал-Масуди [42, с. 303] и Ибн ал-Асир [29, с. 115] вслед за мусульманами называют в этом перечне христиан, а не иудеев. Возможно, что данное

отклонение обуславливалось изменениями в отношении халифатских властей и арабских историков-мусульман к христианству и иудаизму.

⁸ Тайский этнический субстрат доминировал тогда среди населения гуанчжоуской и смежных с ней областей (см. [3, с. 142]).

⁹ Имеются в виду зороастрийцы, так как, по мнению ряда исследователей, зороастризм генетически связан с жреческой кастой магов. Иногда во французских и английских переводах из сочинений Абу Зайда и ал-Масуди вместо слова «маги» фигурирует «парсы» (см., например, [31, с. 50; 47, с. 52]).

¹⁰ Как обычно, показатель численности населения самого областного центра отдельно в источниках не приводится.

¹¹ Например, первые китайские переводы несторианских книг стали появляться еще с VII в., а манихейских — со следующего столетия. Однако Коран и хадисы начали переводить на китайский язык лишь с XVI—XVII вв. [7; 11; 30—32; 43].

¹² Общая численность расстриженных или истребленных буддистов-китайцев и иностранцев достигла по всему Китаю 260,5 тыс. человек [21, с. 8017], а уничтоженных буддийских монастырей, храмов, кумирен и пагод — 46,6 тыс. [9, с. 166].

¹³ Любопытная деталь приведена в одной из работ современного китайского историка Ло Сянлиня [11, с. 38]: упоминавшуюся выше каменную мемориальную стелу, которую несториане в 781 г. воздвигли в Чанъани, поклонникам «учения о свете» удалось во время религиозных преследований начала 40-х годов IX в. спасти, закопав ее глубоко в землю. Отрыли ее совершенно случайно во время земляных работ спустя почти восемь столетий, около 1625 г.

¹⁴ Разбирательство по судебным делам между «людьми ислама» и китайцами осуществлялось на основе юридических норм танской династии [8, с. 77—78].

1. Васильев В. П. О движении магометанства в Китае, СПб., 1867.
2. Кафаров П. И. Старинные следы христианства в Китае.— Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1872.
3. Решетов А. М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации.— Этническая история народов Азии. М., 1972.
4. Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X—первой четверти XII в. М., 1974.
5. Смолин Г. Я. Повстанцы Хуан Чао в Гуанчжоу (Эпизод крестьянской войны 874—901 гг. в Китае).— «Ученые записки ЛГУ», № 395, серия востоковедческих наук. Вып. 20. Востоковедение, 4. Исторические исследования. Л., 1977.
6. Спасский Г. Описание древнего христианского памятника, открытого в Китае 1625 года. СПб., 1826.
7. Ван Говэй. Моницзяо люсин Чжунго као (О распространении манихейства в Китае).— Гуань-тан цзилинь (Собрание работ Гуань-тана). Т. 4. Пекин, 1961.
8. Кувабара Сичудзо. Чжунго алабо хай-шан цзяотун ши (История морских сношений Китая с арабами). Тайбэй, 1967.
9. Ли Дэюй. Ли Вэй гун хуэйчан и пинь цзи (Собрание наилучшего, [написанного] вэйским гуном Ли за годы Хуэйчан).— Цуншу цзинчен (Библиотека-серия). Отд. 1, № 1857. Шанхай, 1936.
10. Ло Сянлинь. Тан Сун шидай Гуанчжоу-чжи хуэйцзяо (Ислам в Гуанчжоу периодов Тан и Сун).— «Цинхуа сюэбао». Т. 5, 1965, № 1.
11. Ло Сянлинь. Тан Юань эр дай-чжи цзинцзяо (Несторианство при династиях Тан и Юань). Сянган, 1966.
12. Ма Юйю. Чжунго хуэйцзяо ши цзянь (Зерцало истории ислама в Китае). Шанхай, 1948.
13. Накамура Кусиро. То дзидай-но Кантон (Гуандун в период Тан).— «Сигаку дзасси». Т. 28. 1917, № 3—6.
14. Сигэмацу Тосиаки. То Со дзидай-но маникё то макё мондай

- (Проблемы манихейства и других ересей в периоды Тан и Сун).— «Сизэн». 1936, № 12.
15. Синь Тан шу (Новая история [династии] Тан). Пекин, 1958.
 16. Тадзака Кодо. Тюгоку-ни окэру кайкё-но дэнрай то соно коцу (Проникновение ислама в Китай и его распространение). Т. 1—2. Токио, 1964.
 17. Тан дай чжао лин цзи (Собрание высочайших декретов и постановлений [династии] Тан). Пекин, 1959.
 18. Тан хуэй яо (Важнейшие материалы [династии] Тан). Т. 1—3. Пекин, 1955.
 19. Фэн Чэнцзюнь. Цзинцзяо бэй као (О несторианской мемориальной стеле). Тайбэй, 1962.
 20. Цзинь Цзитаи. Сина кайкё си (История мусульманства в Китае). Токио, 1942.
 21. Цзы чжи тун цзянь (Всепроницающее зеркало, управлению помогающее). Пекин, 1956.
 22. Цзэн Хуамань. Тан дай Линнань фацжань-ды хэсиньсин (Сердцеви-на развития Линнани в период Тан). Сянган, 1973.
 23. Цзю Тан шу (Старая история [династии] Тан). Пекин, 1958.
 24. Чжун Си цзяотун ши (История связей Китая с Западом). Тайбэй, 1959.
 25. Чэнь Юань. Моницзяо жу Чжунго као (О проникновении манихейства в Китай).— «Госюэ цзикань». Т. 1. 1923, № 2.
 26. Чэнь Юань. Хосяньцзяо жу Чжунго као (О проникновении зороаст-ризма в Китай).— «Госюэ цзикань». Т. 1. 1923, № 1.
 27. Ян Сэньфу. Чжунго цзидуцзяо ши (История христианства в Китае). Тайбэй, 1972.
 28. Янь Гэнван. Тан дай гонэй цзяотун юй ду ши (Внутренние пути сообщения и торговые города периода Тан).— Цинь Хань ши цзи чжунгу ши цянцзи яньцзю лунь цзи (Сборник статей по изучению истории [им-перий] Цинь и Хань, а также начального периода средневековья). Тайбэй, 1969.
 29. Biography of Huang Ch'ao— Chinese Dynastic Histories Translations, № 5, Berkeley & Los Angeles, 1955.
 30. Brelvi M. Muslims in China. Karachi, 1951.
 31. Broomhall M. Islam in China: a Neglected Problem. N. Y., 1966.
 32. Devéria G. J. Musulmans et Manichéens Chinois.— Journal Asiatique. Vol. 10, 1897, № 3.
 33. Dien A. E. A Note on «Hsien» Zoroastrizm.— «Oriens». Vol. 10, 1957, № 2.
 34. Ennin's Diary. The Record of a Pilgrimage to China in Search of the Law. N. Y., 1955.
 35. Ferran G. Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIIIe au XVIIe siècles. T. 1. P., 1913.
 36. Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. II—III. B., 1935—1937.
 37. Latourette K. S. The Chinese, their History and Culture. N. Y., 1934.
 38. Lo Hsiang-lin. Spread of Nestorianism in Kwangtung Province in the T'ang era.— «Chuhai Journal». 1975, № 8.
 39. Löwenthal R. The Jews in China: a Bibliography.— «The Yenching Journal of Social Studies». Vol. 1, 1939, № 2.
 40. Löwenthal R. The Jews in China: an Annotated Bibliography.— «Chinese Social and Political Sciences Review». Vol. 24, 1940, № 2.
 41. Löwenthal R. The Early Jews in China: a Supplementary Bibliogra-phy.— «The Folklore Studies». Vol. 5, 1946.
 42. Maçoudi. Les prairies d'or, texte et traduction par C. Barbier de Mey-nard et Pavet de Courteille. T. 1. P., 1861.
 43. Mason J. The Mohammedans of China: When and How they First Came.— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society». Vol. 60, 1929.

44. Pelliot P. Voyage du marchand arabe Sulaymân en Inde et en Chine rédigé en 851, suivi de remarques par Abû Zayd Hasan (vers 916), traduit par Ferran G.—«T'oung pao». T. 21, 1922.
45. Rabinowitz L. Eldad Ha-Dani and China.—«The Jewish Quarterly Review». Vol. 36, 1946, № 3.
46. Reinaud J. T. Relations des voyages faits par les arabes et les persans dans l'Inde et à la Chine dans le IXe siècle de l'ère chrétienne. T. 1. P., 1845.
47. Renaudot E. Anciennes relations des Indes et de la Chine de deux voyageurs mahométans qui y allèrent dans le IXe siècle de notre ère. P., 1718.
48. Saeki P. The Nestorian Documents and Relics in China. Tokyo, 1951.
49. White W. C. Chinese Jews. A Compilation of Matter Relating to the Jews of K'ai-feng fu. Toronto, 1966.
50. Wylie A. Chinese Researches. T'aipei, 1966.